

**«ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВСЕМ БЕЖЕНЦАМ ОЧИСТИТЬ
ПОМЕЩЕНИЯ...», ИЛИ НЕИЗВЕСТНЫЕ БЫЛИ
ХАРИТОНОВСКОГО ДОМА***

Характеризуя проблему массовых миграций в годы Первой мировой войны как недостаточно изученную, профессор Манчестерского университета П. Гетрелл выделил три основных источника перемещений населения: мобилизации в царскую армию с последующей эвакуацией раненных и покалеченных; размещение на российской территории военнопленных противной стороны; и, наконец, «исходы» из районов военных действий мирных жителей, особенно интенсивные летом и осенью 1915 г.¹ Людские волны, вызванные войной, докатились в том числе и до глубокого уральского тыла, трансформировав социальный, экономический, политический и культурный ландшафт региона самым неожиданным образом.

Стремительное наводнение края мигрантами началось уже в конце 1914 г. 3 сентября 1914 г. в регион прибыли первые больные и ранены войны, для приема которых была устроена сеть из 94 специализированных лазаретов. За сентябрь-декабрь 1914 г. через них прошло более 6,2 тыс. человек, и это было только начало². В то же время Пермская губерния стала принимающей территорией для тысяч так называемых военнообязанных или военнопленных иностранцев, которых к октябрю 1915 г. скопилось так много, что вместо Пермской их решили отправлять сначала в Казанскую, а затем Тобольскую, Томскую, Якутскую, Енисейскую и Иркутскую губернии³.

Не успела проблема мирнопленных несколько смягчиться, как администрация края оказалась лицом к лицу с другой не менее острой проблемой, а именно проблемой наплыва в регион обезоруженных вражеских военнослужащих. 1 ноября 1915 г., обращаясь к министру внутренних дел А.Н. Хвостову, главный губернский чиновник писал: «Ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством об оказании содействия к прекращению присылки в Пермскую губернию военнопленных, неспособных к личному труду, а лишь для размещения казарменным порядком... В губернии уже размещено казарменным способом свыше 8000 пленнх; свободных помещений для дальнейшего их размещения совершенно нет... Прилив в губернию еще массы пленнх, не приносящих пользы краю личным трудом, неминуемо еще более усилит и без того трудное в продовольственном отношении положение губернии»⁴.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00151.

Миграционный бум между тем продолжал набирать обороты, чему в немалой степени способствовало начавшееся с сентября 1915 г. заполнение края бежавшим от войны мирным населением западных губерний. Характеризуя ситуацию с беженцами на вокзале станции Екатеринбург-I, газета «Зауральский край» в начале сентября 1915 г. живописала: «В залах III и IV в настоящее время стоит невообразимая давка, мест не хватает»⁵. К 1 февраля 1916 г. только в губернской Перми «осело» 5592 беженца, тогда как город был готов принять лишь 2980 человек⁶. Губернские власти взмолились, прося прекратить присылку в регион новых партий мигрантов, но получили таким образом лишь временную передышку. В июне 1916 г. министр внутренних дел уведомил пермского губернатора о том, что «в виду особо тяжелых условий положения беженцев Амурской области признано возможным в виде исключения разрешить амурскому губернатору отправлять беженцев в Пермскую губернию»⁷. За этим «исключением» последовали другие, благодаря чему жители края не понаслышке узнали, что такое беженский кризис. «В виду продолжающегося притока в Екатеринбург беженцев предостерегаю, что в городе нет квартир и запасов продовольствия. Часть населения уже теперь живет на улицах и площадях и голодает в буквальном смысле слова», – цитировал «Пермский вестник Временного правительства» корреспонденцию из Екатеринбурга в сентябре 1917 г.⁸

Революционные потрясения 1917 г. и события Гражданской войны лишь усугубили ситуацию с мигрантами, потоки которых вышли из-под какого бы то ни было контроля. Они – мигранты – селились везде, где это позволяла ситуация с продуктами и жильем. Очевидно, именно таким образом в истории уральского плена и беженства и появился легендарный Харитоновский дом⁹.

Когда пленные и беженцы облюбовали этот памятник роскоши и комфорта, доподлинно неизвестно. Оный факт стал фактом где-то в 1918–1918 гг., в связи с чем вернувшиеся летом 1919 г. в Екатеринбург «красные», не мудрствуя лукаво, объявили дом № 44 по Вознесенскому проспекту лагерем губпленбежа № 1. Обследуя этот объект в октябре 1919 г. санитарный врач екатеринбургского уездно-городского отдела здравоохранения Петров констатировал: «При посещении мною... дома Харитонова, в котором живут пленные солдаты и беженцы, оказалось, что они занимают верх и низ одного крыла дома и флигель. В верхнем этаже преимущественно размещены пленные солдаты, около 150 человек. В нижнем этаже и во флигеле живут беженцы, преимущественно люди семейные, и отчасти солдаты пленные. В нижнем этаже размещается около ста человек и столько же помещается во флигеле. Все помещения, занимаемые этими лицами, в высшей степени мрачны, малы, так что количества воздуха не хватает на всех живущих. Для сна хотя и устроены нары, но их совершенно не хватает. Многие спят прямо на полу, а некоторые устроились так, что повалили шкафы на пол. Спят на них. Грязь всюду страшная, сор на полу не убран и в углах заметна масса мусора. Некоторые беженцы занимаются тут же сапожным мастерством и плетением корзин,

благодаря чему количество сора увеличивается еще больше, портится воздух. У беженцев этих много детей всех возрастов, которые бегают и сорят пол. Несмотря на сильную грязь в помещении, беженцы заготавливают тут же себе капусту на зиму, режут и рубят ее. Помимо всего этого бегают собаки. Воздух совершенно не хватает для живущих и благодаря антигигиеничному содержанию комнат нет ничего мудреного, если вспыхнет эпидемия сыпного тифа среди жильцов. Помимо всего этого, именно великой грязи, сора и беспорядка, на глазах детей и взрослых происходят различные безнравственные сцены, которые мне пришлось наблюдать»¹⁰.

Несоответственное использование Харитоновского дома губернским пленбежем незамедлительно заставило заговорить о себе. Буквально тут же здание было осмотрено представителем отдела государственных сооружений, в задачу которого входила оценка технического состояния знаменитого особняка, где планировалось развернуть школу для взрослых и детский сад. При этом было установлено, что фундамент и стены трехэтажного здания являются чрезвычайно прочно построенными и хорошо сохранившимися. «Перекрытия в общем сохранились хорошо, кроме средней части перекрытия второго этажа в главном корпусе, балки коего частично источены червями и подвешены на хомутах к наложенным сверху балкам, но конструктивно довольно неудачно... В случае использования совершенно запущенных бывших жилых помещений в третьем этаже необходим значительный ремонт с постройкой заново потолков, полов, оконных переплетов и с пробивкой новых кровельных окон в целях увеличения световой площади... Балки подвального перекрытия в некоторых местах подперты деревянными столбами, что может быть оставлено в дальнейшем во избежание крупного ремонта... Крыша преимущественно главного корпуса местами проржавела и протекает, а потому требует подробного исследования. Люки на крышу находятся в совершенно негодном состоянии и должны быть заменены более рациональными по устройству, чтобы прекратить затекание дождевых вод под крышу. Покрытия карнизов во многих местах негодны и не охраняют карнизов от разрушения водой. Внутренняя лестница, соединяющая кухню с первым этажом, несоответствующая и должна быть построена целесообразно вновь... В подвальном этаже находится вполне пригодная баня. Корпус между часовой и главным зданием самостоятелен для школы не пригоден ввиду сравнительно малых пролетов и вышины крыши, разбитых на малые квартиры... Использование помещения часовни не представляет существенно практического значения и имеет лишь с уцелевшим алтарем и иконостасом музеевно-художественный характер. Корпус за часовой, смежный с садом, имеет внизу амбары и жилые помещения сторожей, а верхний этаж не достроен, окна забиты досками, лишь со стропилом и крышей. При незначительной затрате средств можно бы пользоваться обширным помещением, пригодным для всяких целей, как школьного кинематографа, зала для гимнастики и т. п.», – гласил документ составленный членами высокой комиссии документ¹¹.

Однако выселения из примечательного во всех отношениях здания обосновавшихся здесь пленных и беженцев в 1919 г. так и не случилось. Больше того, помимо лагеря для пленных и беженцев на базе Харитоновского дома был развернут еще и питательный пункт губзэвака, занимавшийся обслуживанием следовавших через Екатеринбург мигрантов. На пользу зданию все это, конечно, не шло, что отразил акт очередного обследования лагеря от 12 мая 1920 г., зафиксировавший необходимость срочного ремонта занимаемых службами губзэвака помещений. Как минимум их требовалось очистить от грязных и рваных обоев, произвести побелку стен, исправить печи, заменить гнилые полы, орамить и остеклить окна¹².

По прошествии полутора месяцев новая комиссия, проводившая ревизию по адресу Вознесенский проспект, 44, обнаружила, что никакого ремонта в здании так и не состоялось: «Потолки черные от копоти, обои по стенам висят ключьями, за обоями и в местах по стенам обвалившейся штукатурки гнезда клопов. Оконные рамы с выбитыми стеклами, грязные, со следами мух. Пол, по-видимому, давно не мыт, покрыт слоем песку, очевидно, и заматается не каждый день. Бак, в котором кипятят воду, также не исправлен – краны не действуют, воду берут ковшом, закрывается бак деревянной крышкой... Уборная полевого типа давно не чистилась и потому переполнена... Выгребная яма в ужасном виде... Поверх решетки накопилось всяких отбросов такое количество, что вся выливаемая вода не проходит, а часть ее задерживается и нередко переливается через край, о чем красноречиво говорит приблизительно на сажень стоящая лужа грязной зацветшей воды; и сама выгребная яма, и эта лужа издают изрядное зловоние. Крышки на яме нет, в отбросах копаются свиньи и куры»¹³. Главное же, что выяснила комиссия, так это невыполнение отданного еще 21 июня 1920 г. приказа губзэвака № 169, «предлагавшего» всем беженцам, проживавшим в лагере Екатеринбургского губзэвака по Вознесенскому проспекту, 44, очистить занимаемые ими помещения в шестидневный срок¹⁴. Люди, которым было попросту некуда идти, продолжали влачить свое жалкое существование за стенами великолепного дворца.

Контраст между экстерьером и интерьером Харитоновского дома был так велик, что начал смущать даже чиновников губзэвака, всерьез озаботившихся поиском более приличествующего случаю помещения. Остановиться пришлось на здании бывшего кирпичного завода А.Н. Николаева по другую сторону от железной дороги, а именно на сараях, предназначенных для сушки кирпича. «Помещения эти темные, низкие, имеют только крышу и несплошные стены, но за неимением ничего более подходящего пришлось приступить к отделке сараев под жилые помещения, то есть сделать стены, отверстия для света и воздуха, нары в четыре ряда. Каждый сарай при нарной системе в четыре ряда может вместить до 1000 человек. Всего губзэваком взято 5 сараев, остальные взяты под концентрационный лагерь. В данное время готов сарай на 1000 человек и уже заселяется военнопленными, есть лесной материал для еще одного сарая. Через неделю или две губзэвак рассчитывает иметь помещение на 2500–3000

человек. Там же будет кухня на 5000 человек, но она еще не готова за недостатком котлов», — корреспондировал губэвак в Отдел формирования и санобслуживания Центроэвака 6 июля 1920 г.¹⁵

Проблема с кухней, однако, решена так и не была, и даже после перевода 800 человек военнопленных из здания Харитоновского дома в здание бывшего кирпичного завода, на территории первого продолжал функционировать питательный пункт губэвака с пропускной способностью 1000 человек в сутки. Несмотря на то, что местной жилищной комиссией ордер на известный екатеринбургский особняк давно уже был выдан местным структурам Наркомпроса, Харитоновский дом продолжал принимать мигрантов еще и потому, что в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 12 сентября 1921 г. за личной подписью И.И. Ульянова-Ленина помещения, занимавшиеся теми или иными службами Центроэвака, не подлежали «освобождению по предписанию местных властей без согласия на то Народногo комиссариата внутренних дел»¹⁶.

Новая страница в истории достопримечательного дома Расторгуевых-Харитоновых началась только в 1922 г. после выхода приказа екатеринбургского губэвака № 199 от 1 декабря 1921 г. В соответствии с документом действовавшие в губернском центре питательные пункты № 1 (Вознесенский проспект, 44) и № 2 (станция Екатеринбург-I) были объединены в одну «оперативно-хозяйственную» единицу под общим названием врачебно-питательного пункта. При этом питательный пункт № 1 как самостоятельный объект хозяйствования, имевший свою отчетность и делопроизводство, был «совершенно ликвидирован»¹⁷. В начале 1922 г. был ликвидирован и размещавшийся в Харитоновском доме екатеринбургский губэвак, функции которого приняли на себя линейный пункт, подчинявшийся Челябинскому базисному пункту НКВД, и эвакуационный стол, созданный при Административном подотделе Отдела управления Екатеринбургского губисполкома¹⁸.

Очевидно, намеченный в Харитоновском доме еще в ноябре-декабре 1920 г. ремонт, руководить которым было поручено некому С.М. Нефедову, осуществляли совсем другие люди, усилиями коих всякие следы человеческих несчастий, вызванных Мировой и Гражданской войнами, были стерты. Дом, всем своим видом призванный олицетворять величие и довольство элиты, вскоре снова стал элитарным по своему назначению, будучи сдан в аренду кузнице новой элиты — Урало-Сибирскому коммунистическому университету¹⁹.

Примечания:

¹ Gatrell P. A whole empire walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999. P. 3. Благодарю за любезно предоставленную информацию об этой книге к.и.н., с.н.с. ИИиА УрО РАН Н.А. Михалева.

² Пермская земская неделя. 1915. 19 февр.

³ Пермские губернские ведомости. 1915. 8 окт.; 1916. 22 апр.

⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140-а. Л. 409–410. См. также: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 280. Л. 5).

⁵ Зауральский край. 1915. 6 сент.

⁶ Пермская земская неделя. 1915. 6 сент.; Пермские губернские ведомости. 1916. 2 февр.

⁷ Пермские губернские ведомости. 1916. 26 июня.

⁸ Пермский вестник Временного правительства. 1917. 10 сент.

⁹ См.: Бабыкин К.Т. Архитектурная старина Екатеринбурга // Екатеринбург за 200 лет. Екатеринбург, 1923; Гладкова И. 25 екатеринбургских тайн. Екатеринбург, 2003; Дворец-легенда // Уральский следопыт. 1959. № 6; Зорина Л.И., Слукин В.М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005; Лукьянин В., Никулина М. Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург, 1997; Слукин В.М. Тайны уральских подземелий. Свердловск, 1988; Шкерин В.А. Легенды и были екатеринбургской усадьбы Расторгуева–Харитоновна // Сведомские чтения: Избр. доклады и материалы IV и V чтений. Чайковский, 2010. С. 18–24; и др.

¹⁰ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 131.

¹¹ Там же. Л. 145–146 об.

¹² Там же. Л. 77, 79.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 89.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 109.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 98.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 28.

¹⁷ Там же. Д. 12. Т. 2. Л. 120.

¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 30, 30 об., 31, 33, 34, 35, 35 об., 36.

¹⁹ См.: Евсева О.Н. Карла Либкнехта, 44 // Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 211.